

Н. С. Лесков

**Мелочи Архиерейской
жизни**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 291
ББК 86.3
Л50

Л50 **Лесков Н.С.**
Мелочи Архиерейской жизни / Н. С. Лесков – М.: Книга по Требованию, 2014. –
232 с.

ISBN 978-5-458-67719-6

ISBN 978-5-458-67719-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

Съ легкой руки смоленскихъ корреспондентовъ, — въ теченіи 1878 года русскою печатью сообщено очень много интересныхъ и характерныхъ анекдотовъ о нѣкоторыхъ изъ нашихъ архіереевъ. Значительная доля этихъ рассказовъ такъ невѣроятна, что человѣкъ, незнакомый съ епархіальною практикою, легко могъ принять ихъ за вымыселъ; но для людей, знакомыхъ съ клировою жизнью, они имѣютъ совсѣмъ другое значеніе. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что все это не чьи-либо праздныя или злонамѣренныя измышленія, а настоящая, живая правда, списанная съ природы, и, притомъ, отнюдь не съ злою цѣлью.

Свѣдущимъ людямъ извѣстно, что среди нашихъ „владыкъ“ никогда не оскудѣвала непосредственность, отъ которой порою весьма не легко доставалось клиру и даже цѣлой епархіи, — это не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, и съ этой точки зрѣнія рассказы ничего не открыли новаго, но досадно, что они остановились, показавъ, какъ будто умышленно, только одну сторону этихъ интересныхъ нравовъ, выработавшихся подъ особенными условіями оригинальной исключительности положенія русскаго архіерея, и скрыли многія другія стороны архіерейской жизни.

Невозможно согласиться, будто всѣ странности, которыя рассказываются объ архіерейхъ, напущены ими на себя произвольно, и я хочу попробовать сказать кое-что въ *защиту* нашихъ владыкъ, которые не желаютъ защищать себя сами и не находятъ себѣ иныхъ защитниковъ, кромѣ тѣхъ благочестивыхъ смиренниковъ, которые всякую рѣчь о епископахъ считаютъ великимъ грѣхомъ и оскорбленіемъ вѣры.

Благоговѣйная почтительность людей этого послѣдняго сорта можетъ приносить имъ большое удовольствіе, но она не помогаетъ дѣлу, которое сведено къ очень странному положенію. Общество, весьма недружелюбно относящееся къ епархіальнымъ начальникамъ, не знаетъ, что оно само, если не всецѣло, то въ весьма значительной мѣрѣ, поддерживаетъ то самое положеніе вещей, которое вѣдѣствіи создаетъ причины къ его неудовольствіямъ.

Правъ-ли я или не правъ, но я имѣю основаніе думать, что извѣстное выраженіе Ларошфуко: „всякое правленіе впору своему народу“, — одинаково можетъ быть прилагаемо къ различнымъ видамъ управленія и, между прочимъ, даже къ нашему „архіерейско-владычному“.

Изъ моего житейскаго опыта я имѣлъ возможность не разъ убѣждаться, что наши владыки и даже самые непосредственнѣйшіе изъ нихъ, по своимъ оригинальностямъ, отнюдь не такъ нечувствительны и недоступны воздѣйствіямъ общества, какъ это представляютъ корреспонденты. Объ этомъ я и хочу рассказать кое-что, въ тѣхъ цѣляхъ, чтобы отнять у нѣкоторыхъ облпченій ихъ очевидную односторонность, сваливающую непосредственно все дѣло на однихъ владыкъ и не обращающихъ ни малѣйшаго вниманія на ихъ положеніе и на отношеніе

къ нимъ самого общества. По моему мнѣнію, наше общество должно понести на себѣ самомъ хоть долю укоризни, адресуемыхъ архіереямъ, для которыхъ настала пора похлопотать о своего рода эмансипаціи.

Какъ бы это кому ни показалось парадоксально, я, однако, прошу вниманія къ тѣмъ примѣрамъ, которые приведу въ доказательство моихъ положеній.

I.

Первый русский архіерей, котораго я зналъ, былъ орловскій — Никодимъ, который, ни за-что, ни про-что, сдалъ въ рекруты сына бѣдной сестры моего отца, за что мой отецъ, человекъ рѣшительнаго и смѣлаго характера, оплатилъ ему сурово... Въ домѣ у насъ не любили чернаго духовенства вообще, а архіереевъ въ особенности. Я ихъ просто боялся, вѣроятно потому, что долго помнилъ страшный гнѣвъ отца на Никодима и пугавшее меня завѣреніе моей няньки, будто „архіереи Христа предали“.

Первый архіерей, котораго я узналъ лично, былъ Смарагдъ Крижановскій, во время его управленія орловскою епархією.

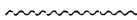
Это воспоминаніе относится къ самымъ раннимъ годамъ моего отрочества, когда я, обучаясь еще въ орловской гимназій, постоянно слышалъ рассказы о дѣяніяхъ этого владыки и его секретаря, „ужаснаго Бруевича“.

Свѣдѣнія мои объ этихъ лицахъ были довольно разностороннія, потому что, по нѣсколько исключительному моему семейному положенію, я въ то время возвращался въ двухъ противоположныхъ кругахъ орловскаго общества. По отцу моему, происходившему изъ духовнаго званія, я бывалъ у нѣкоторыхъ орловскихъ духовныхъ и хаживалъ

валь иногда по праздникамъ въ монастырскую слободку, гдѣ проживали ставленники и томившіеся въ чаяніи „владычнаго суда“ подначальные. У родственниковъ-же съ материной стороны, принадлежавшихъ къ тогдашнему губернскому „свѣту“, я видалъ губернатора, князя Петра Ивановича Трубецкаго, который терпѣть не могъ Смарагда и находилъ неутолимое удовольствіе вездѣ его ругать. Князь Трубецкой постоянно называлъ Смарагда не иначе, какъ „козломъ“, а Смарагдъ, въ отместку, величалъ князя „пѣтухомъ“.

Впослѣдствіи я много разъ замѣчалъ, что очень многіе генералы любятъ называть архіереевъ „козлами“, а архіереи тоже, въ свою очередь, зовутъ генераловъ „пѣтухами“.

Вѣроятно, это почему-нибудь такъ слѣдуетъ.

Губернаторъ князь Трубецкой и епископъ Смарагдъ не взлюбили другъ друга съ первой встрѣчи и считали долгомъ враждовать между собою во все время своего совмѣстнаго служенія въ Орлѣ, гдѣ, по этому случаю, на счетъ ихъ ссоръ и пререканій ходило много рассказовъ, по большей части, однако-же, или совсѣмъ невѣрныхъ, или, по крайней мѣрѣ, сильно преувеличенныхъ. Таковъ, напр., повсемѣстно съ несомнѣнною достовѣрностію рассказываемый анекдотъ о томъ, какъ епископъ Смарагдъ, будто-бы, ходилъ съ хоругвями, подъ звонъ колоколовъ, на сѣзжую, посѣщать священника, взятаго, по распоряженію князя Трубецкаго, въ часть ночнымъ обходомъ, въ то время, какъ этотъ священникъ шель съ дароносицею къ больному.

На самомъ дѣлѣ, такого происшествія въ Орлѣ вовсе

не было. Многіе говорятъ, что оно было, будто-бы, въ Саратовѣ или въ Рязани, гдѣ тоже епископствовалъ и тоже ссорился преосвященный Смарагдъ, но не мудрено, что и тамъ этого не было. Несомнѣнно одно, что Смарагдъ терпѣть не могъ князя Петра Ивановича Трубецкаго и еще болѣе его супругу, княгиню Трубецкую, рожденную Витгенштейнъ, которую онъ, кажется не безъ основанія, звалъ „буесловною нѣмкою“. Этой энергической дамѣ Смарагдъ оказывалъ замѣчательныя грубости и, въ томъ числѣ, разъ при мнѣ, сдѣлалъ ей въ церкви такое рѣзкое и оскорбительное замѣчаніе, что это всѣхъ ужаснуло. Но княгиня отвѣтить Смарагду не нашлась или не посмѣла.

Епископъ Смарагдъ былъ человѣкъ раздражительный и рѣзкій, и если ходящія о его распряхъ съ губернаторами анекдоты не всегда фактически вѣрны, то всѣ они въ самомъ сочиненіи своемъ вѣрно изображаютъ характеръ ссорившихся сановниковъ и общественное о нихъ представленіе. Князь Петръ Ивановичъ Трубецкой во всѣхъ этихъ анекдотахъ представляется человѣкомъ заносчивымъ, мелочнымъ и безтактнымъ. О немъ говорили, что онъ „пѣтушится“, — топорщитъ перья и брыкаетъ шпорою во что попало, а покойный Смарагдъ „козляковалъ“. Онъ дѣйствовалъ съ расчетомъ: онъ, бывало, нѣкое время посматриваетъ на пѣтушка и даже бородой не тряхнетъ, но чуть тотъ не поостережется и выступитъ за ограду, онъ его въ ту же минуту боднетъ и назадъ на его насѣсть перекинетъ.

Въ кружкахъ орловскаго общества, которое не любило ни князя Трубецкаго, ни еп. Смарагда, — послѣдній все-таки пользовался хотя нѣкоторымъ вниманіемъ. Въ

немъ цѣнили покрайней мѣрѣ его умъ и его „неуемность“. О немъ говорили:

— „Сорванецъ и молодець,—ни Бога не боится, ни людей не стыдится“. Такие люди въ русскомъ обществѣ пріобрѣтають авторитетъ, законности котораго я и не намѣренъ оспаривать, но я имѣю основаніе думать, что покойный орловскій дерзкій епископъ едва-ли на самомъ дѣлѣ „ни Бога не боялся, ни людей не стыдился“.

Конечно, если смотрѣть на этого владыку съ общей точки зрѣнія, то, пожалуй, за нимъ, какъ будто, можно признать такой авторитетъ; но если заглянуть на него со стороны нѣкоторыхъ мелочей, весьма часто ускользающихъ отъ общаго вниманія, то выйдетъ, что и онъ не совсѣмъ былъ чуждъ способности стыдиться людей, а, можетъ быть, даже и бояться Бога.

Вотъ тому примѣры, которые, вѣроятно, однимъ во все неизвѣстны, а другими, можетъ быть, до сихъ поръ позабыты.

Теперь я сначала представлю читателямъ оригинальнаго человѣка изъ орловскихъ старожиловъ, котораго чрезвычайно боялся „неуемный Смарагдъ“.

Въ то самое время, когда жили и враждовали въ Орлѣ кн. П. И. Трубецкой и преосвящ. Смарагдъ, тамъ же, въ этомъ „многострадальномъ Орлѣ“, въ небольшомъ сѣренькомъ домикѣ на Полѣвской площади, проживаль не очень давно скончавшійся отставной маіоръ Александръ Христіановичъ Шульцъ. Его всѣ въ Орлѣ знали и всѣ звали его съ титуломъ: „маіоръ Шульцъ“, хотя онъ никогда не носилъ военнаго платья и самое его маіорство нѣкоторымъ казалось немножко „апокрифическимъ“. От-

куда онъ и кто такой,—едва ли кто-нибудь зналъ съ полною достовѣрностію. Шутливые люди рѣшались даже утверждать, что „маіоръ Шульцъ“ есть вѣчный жидъ Агасееръ или другое, столь же таинственное, но многозначащее лицо.

Александръ Христіановичъ Шульцъ съ тѣхъ поръ, какъ я его помню,—а я помню его съ моего дѣтства,—былъ старикъ, сухой, немножко сторбленный, довольно высокаго роста, крѣпкой комплекціи, съ сильною просѣдью въ волосахъ, съ густыми, очень пріятными усами, закрывавшими его совершенно беззубый ротъ, и съ блестящими, искрившимися сѣрыми глазами въ правильныхъ вѣкахъ, опущенныхъ длинными и густыми темными рѣсницами. Люди, видѣвшіе его незадолго до его смерти, говорятъ, что онъ такимъ и умеръ. Онъ былъ человѣкъ очень умный и еще болѣе — очень пріятный, всегда веселый, всегда свободный, искусный рассказчикъ и досужій шутникъ, умѣвшій иногда ловко запутать путаницу и еще ловчѣе ее распутать. По душѣ и по сердцу онъ былъ человѣкъ добрый и дѣлалъ не мало добра. Оффиціальное положеніе Шульца въ Орлѣ выражалось тѣмъ, что онъ былъ безсмѣннымъ старшиною дворянскаго клуба. Никакого другого мѣста онъ не занималъ и жить неизвѣстно чѣмъ, но жить очень хорошо. Небольшая квартира его всегда была меблирована со вкусомъ, на холостую ногу; у него всегда кто-нибудь гостилъ изъ пріѣзжихъ дворянъ; закуска въ его домѣ подавалась всегда обильная какъ при немъ, такъ и безъ него. Домомъ у него завѣдывалъ очень умный и вѣжливый человѣкъ Василій, питавшій къ своему господину самую вѣрную преданность. Женщинъ въ домѣ не было, хотя покойный Шульцъ былъ большой любитель женскаго пола

и, по выраженію Василя, „страшно слѣдилъ по этому предмету“.

Жилъ онъ, какъ одни думали, картами, т. е. вель постоянную картежную игру въ клубѣ и у себя дома; по другимъ же, онъ жилъ, благодаря нѣжной заботливости своихъ богатыхъ друзей К—скихъ. Послѣднему вѣрить гораздо легче, тѣмъ болѣе, что Александръ Христіановичъ умѣлъ заставить любить себя очень искренно. Шульцъ былъ человѣкъ очень сострадательный и не забывалъ заповѣди „стяжать себѣ друзей отъ мамоны неправды“. Такъ, въ то время, когда въ Орлѣ еще не существовало благотворительныхъ обществъ, Шульцъ едва ли былъ не единственнымъ благотворителемъ, который подавалъ больше гроша, какъ это дѣлало и вѣроятно доселѣ дѣлаеть орловское православное христіанство. Маюра хорошо знали безпомощные бѣдняки Пушкарской и Стрѣleckой слободъ, куда онъ часто отправлялся въ своемъ купомѣ коричневомъ сюртучкѣ съ запасомъ „штрафныхъ“ денегъ, собиравшихся у него отъ позднихъ клубныхъ гостей, и здѣсь раздавалъ ихъ бѣднымъ, иногда довольно щедрою рукою. Случалось, что онъ даже покупалъ и дарилъ рабочихъ лошадей и коровъ и охотно хлопоталъ объ опредѣленіи въ училище дворянскихъ сиротъ, что ему почти всегда удавалось, благодаря его обширнымъ и короткимъ связямъ.

Но, помимо этой пользы обществу, Шульцъ привнесъ ему еще и другую можетъ быть не менѣе важную услугу: онъ олицетворялъ въ своей особѣ мѣстную гласность и сатиру, которая, благодаря его неутомимому и острому языку, была у него безпощадна и обуздывала много пошлостей дикаго самодурства тогдашняго „добраго времени“. Тонкій и язвительный юморъ Шульца преслѣдовалъ, по преимуществу, мѣстныхъ свѣтилъ, но преслѣ-

дованіе это велось у него съ такимъ тактомъ и наивностью, что никто и думать не смѣлъ ему мстить. Напротивъ, многіе изъ преслѣдуемыхъ бичомъ его сатиры нерѣдко сами помирали со смѣху отъ насмѣшекъ маюра, а боялись его *вст*; по крайней мѣрѣ, всѣ, имѣвшіе въ городѣ вѣсть и значеніе и потому, конечно, желавшіе не быть осмѣянными, лебезили передъ непмѣвшимъ никакого оффиціального значенія клубнымъ маіоромъ.

Шульцъ, конечно, это зналъ и мастерски пользовался почтительнымъ страхомъ наведеннымъ имъ на людей, нежелавшихъ почитать ничего болѣе достойнаго почтенія.

Шульцу было извѣстно все, что происходило въ городѣ. Самъ онъ, по преимуществу и даже исключительно, держался компаніи въ „высшемъ кругѣ“, гдѣ его и особенно боялись, но онъ не затворялъ своихъ дверей ни передъ кѣмъ, и оттого всѣ сколько-нибудь интересныя или скандальныя вѣсти стекались къ нему всяческими путями. Шульцъ былъ принятъ и у кн. Трубецкаго, и у архіерея Смарагда, распрями которыхъ онъ тѣшился и рачительно ими занимался, то собирая, то сочиняя и распуская объ этихъ лицахъ повсюду самыя смѣшныя и въ то же время способныя усиливать ихъ ссору вѣсти. Мало по малу, Шульцъ до такой степени увлекся этой травлею, что предался ей съ исключительнымъ жаромъ и, можно сказать, нѣкоторое время, просто, какъ бы ею только и жилъ. Онъ всѣми мѣрами старался разогрѣть и раздуть страсти этихъ борцовъ до того непримиримаго пламени, въ которомъ они съ неукротимою энергіею старались испепелить другъ друга.

Почти всякій день Шульцъ приходилъ къ дядѣ моему, дворянскому предводителю (потомъ совѣстн. судѣ и предсѣдателю палаты) Л. И. Константинову и поми-